

у и где в этом гадюшнике могут быть швабра и хоть какое-то ведро? — задала я вопрос самой себе. — Ну невозможно же дышать такой пылью! И запах жуткий!»

В квартире и правда был ужасный свинюшник, как будто год не убирали. Инкина родственница большая неряха, какой нормальный человек снимет квартиру в таком состоянии? Впрочем, мне нет до этого никакого дела, я переночую, да и пойду отсюда, вот только пыль обмету немножко, все равно делать нечего.

Квартирка крошечная, однокомнатная. В кухне на плите одна закопченная кастрюля и сгоревший электрический чайник, в ванной — если можно так назвать собачью будку с унитазом и поддоном для душа в пятнах ржавчины — просто нет места для шкафчика. И вот в прихожей я увидела стеной шкаф, дверцы которого были заперты на допотопную латунную задвижку.

Я с трудом ее открыла и едва успела отскочить, потому что на меня вывалилось что-то большое и тяжелое. Этот тюк рухнул на пол с грохотом, едва не погребя меня под собой. Не знаю, каким чудом я успела вывернуться из-под этого обвала, но не

удержалась на ногах и тоже свалилась на грязный линолеум, да еще больно ударилась носом о старую табуретку, которую неизвестно зачем выставили в прихожую, может, хотели выбросить, да забыли.

Сначала из глаз буквально посыпались искры, потом потекли слезы от боли. Вот ко всем моим бедам не хватало еще распухшего носа, как я завтра на работу пойду?

Лежать на заплеванном полу было противно, так что я приподнялась на локтях и повернула голову. И увидела то, что выпало из шкафа прямо на меня.

Это была голова. Несомненно, мужская голова — затылок коротко стриженный, а на макушке волосы оставлены подлиннее. И еще я видела плохо выбритую щеку и один глаз. Глаз был совершенно неподвижный, широко раскрытый. И он не моргал.

Я подумала, что ударилась головой и теперь у меня глюки. Откуда в противном случае тут взялась мертвая голова? Что голова мертвая, я поняла сразу, у живой не могло быть такого глаза.

Я снова опустила на пол и закрыла глаза. Не помогло, проклятая голова стояла перед глазами. Ну, точно, глюки!

Очень осторожно я ощупала свою собственную голову и не нашла никаких повреждений. Даже малюсенькой шишки не было. И голова не кружилась, вообще ничего не болело. Кроме, конечно, души от обиды на Игорешу. Даже злость прошла.

Я села, подобрав по себя ноги, и только тогда открыла глаза. И увидела, что рядом со мной лежит не только мертвая голова. Голова эта была приделана к телу. То, что казалось мне тюком, оказалось

мертвым человеком. Не куклой, не манекеном, а именно человеком. Мужчиной. И не спрашивайте, как я это поняла.

Очевидно, с головой у меня все же был непорядок, потому что вместо того, чтобы заорать и забиться в истерику, на меня напал нервный смех. Ну надо же, какой замечательный конец дня!

И ведь с утра, как говорится, ничто не предвещало такого безобразия. Все было как обычно, я встала пораньше (как всегда, чтобы успеть занять ванную до того, как Игореша продерет глаза), успела принять душ и привести себя в порядок и вышла только тогда, когда он постучал в дверь третий раз.

У нас на двери ванной уже вмятина, оттого что каждое утро он колотит в нее руками и ногами, да еще и ругается. В этот раз, правда, обошлось без ругани, я еще порадовалась, что он не шумит. Нет бы задуматься, с чего это он такой тихий.

Оказалось, мой благоверный копил силы на вечер. И устроил такое, отчего я оказалась без вещей, без денег и без ночлега, потому что ночевать в этом гадюшнике в обнимку с трупом уж никак не получится.

И что вообще происходит? Инка дала мне ключи от квартиры своей не то двоюродной тетки, не то троюродной сестры, я не уточняла. Сказала, что та квартиру сдает, но сейчас она как раз свободна, так что я могу одну ночь перекантоваться там. Условия, мол, так себе, но в моем положении выбирать не приходится. Это уже я сама добавила.

И вот я пришла сюда, и что нашла?

Рука сама нашарила мобильник в кармане пальто и нажала нужную кнопку. Однако Инка не

отвечала, вместо нее равнодушный голос сообщил, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия Сети. Ну да, Инка же улетела в Турцию, я тогда не спросила, что ей там делать в ноябре, она сама сказала, что какой-то там семинар. В ноябре, мол, не сезон, так что подешевле выйдет, вот начальство и решило в каком-то приличном отеле семинар провести. Так что Инка сейчас в полете и ничем мне не поможет. Да и что я ей скажу? Что у ее тетки в шкафу труп? Она не поверит.

Тут я осознала, что сижу на полу рядом с неизвестным покойником, и ужаснулась. Вот что я тут делаю? Нужно немедленно бежать из этой квартиры. Бежать как можно скорее! Тихо-тихо собраться и бежать. И сделать вид, что меня тут не было. Никогда. Инка не продаст, сама потом пускай со своими родственниками разбирается. А хотя она тоже делает вид, что ничего не знает. И правильно.

Я отползла подальше, встала наконец на ноги и поглядела на покойника. Сверху вид был еще хуже, но я взяла себя в руки. Похоже, выйти просто так у меня не получится, потому что прихожая в этой квартире крошечная, как и все остальное, так что этот тип полностью перегородил дорогу к входной двери.

Допустим, я его перепрыгну, я девушка стройная и спортивная, мы с Инкой раньше на фитнес ходили, но вот дверь-то открыть не смогу. Как ни противно, но нужно его подвинуть.

Странное дело, осознала я, при виде трупа я не упала в обморок, не стала орать и кататься по полу, кричать: «Помогите, спасите!» Кто тут поможет-то

в незнакомом доме, меня никто не знает. И слава богу.

Итак, я подошла к покойнику и встала рядом, прикидывая, куда бы его отпихнуть.

Если в ту сторону, то тогда он перекроет дорогу к двери в комнату, а у меня там сумка. Если же в другую, то это ничего не даст, дверь все равно не откроется. Да, было бы лучше всего убрать его обратно в шкаф.

Я подошла поближе. Мужчина был весьма плотного телосложения и росту немаленького. Да, похоже, мне с ним не справиться. Чтобы такое тело в шкаф запихнуть, лебедка понадобится или мужик здоровый. И то вряд ли он в одиночку справится. Нужно же ведь руки-ноги подогнуть аккуратно, чтобы не торчали, иначе дверца шкафа не закроется.

Я поймала себя на мысли, что рассуждаю совершенно спокойно, деловито даже, о том, как переместить труп. Стало быть, привыкла уже к этой мысли. Что ж, человек, как известно, привыкает ко всему. Но все же надо на что-то решаться. Если за ноги перетащить его немного в сторону, а потом взять за плечи и впихнуть его голову в кухню, то входную дверь можно будет приоткрыть немного. Я девушка стройная, уже говорила об этом, так что просочусь в щелочку, только пальто нужно снять и сумку в него завернуть.

Если я принимаюсь за какое-нибудь дело, то всегда заранее составляю подробный план, такая у меня фишка. Игорешу, кстати, эта моя черта очень раздражает. Но пока лучше про Игорешу не вспоминать.

Итак, я схватила тело за левую ногу в одном носке (ботинок остался в стенном шкафу) и попыталась повернуть.

И в это самое время за дверью послышались тяжелые шаги, а потом задребезжал дверной звонок.

Я застыла на полушаге, сердце мое провалилось куда-то за подкладку и колотилось там, как подстреленная птица. Я едва не закричала от ужаса, но не издала ни звука, потому что от того же ужаса у меня перехватило дыхание и я попросту лишилась голоса.

А в следующую долю секунды я поняла, что кричать нельзя, никак нельзя, вообще нельзя, чтобы те, за дверью, кто бы они ни были, поняли, что в квартире кто-то есть. И шевелиться нельзя, чтобы они не слышали никаких звуков, а они непременно услышат, поскольку я как дура стою возле самой двери, да еще держу на весу левую ногу покойника в одном носке с дыркой на пятке!

Я застыла, затаив дыхание, и надеялась только на одно — на то, что те, за дверью, развернутся и уйдут.

Ну, в конце концов, что им нужно, зачем они звонят? Может быть, это просто соседка, которая пришла, чтобы занять соли или сахара. Она поймет, что дома никого нет, и уйдет восвояси...

Но я знала, что это не соседка. Потому что за дверью были как минимум двое, и, судя по тяжелым шагам, это были мужчины. А мужчины не ходят к соседям занимать соль или сахар. И уж во всяком случае, не ходят толпой.

Все эти мысли пронеслись в моей голове меньше чем за секунду. А потом всякие вопросы отпали,

потому что из-за двери донесся громкий повелительный голос:

— Откройте, полиция! — Да еще жажнул кто-то в дверь кулаком, совсем как Игореша по утрам колотит в дверь ванной.

Вот теперь уже все.

Мне пришел конец.

Сейчас полицейские войдут, найдут труп этого человека и тут же арестуют меня. И я никакими силами не смогу оправдаться: кроме меня и трупа, в квартире никого нет, так что у них не будет никаких сомнений, что это я убила этого человека...

— Откройте, полиция! — повторил голос за дверью. Теперь в этом голосе звучало раздражение. Еще немного — и он начнет колотить в дверь ногами, а потом вышибет ее... Дверь-то самая обычная, не железная даже. Выбить ее ничего не стоит.

— Серега, это точно тут? — прозвучал там же, за дверью, другой голос, не такой уверенный.

— Семнадцатая же квартира, — ответил первый. — Нам же сказали, что семнадцатая.

— Так тихо же там совсем.

— Это, может, они нас услышали и затихали.

Точно, я давно уже перестала даже дышать.

Тут за дверью что-то скрипнуло, хлопнуло, и послышался третий голос, на этот раз женский:

— Мальчики, вы насчет чего звоните?

— Сигнал был, женщина, — отозвался один из полицейских. — Насчет нарушения порядка. Соседи звонили. Это не вы, случайно?

— Случайно не я. — В голосе женщины прозвучало сожаление. — А только вы не туда звоните.

В этой квартире нет никого, Нина ее сдает, но сейчас старый жилец съехал, а нового пока не нашли. А если вы по поводу дебоша, так это вам не сюда, это вам в двадцать вторую квартиру, выше этажом. Туда, где Колька Синетутов. Это у него вечно пьянки-гулянки, и грохот, и нарушения общественного порядка. Совсем, паразит, распоясался, а слово ему сказать все бояться. Слышите, вот опять?

Действительно, наверху что-то с грохотом упало, и донесся приглушенный крик, а потом грянула музыка.

— А нам сказали, что семнадцатая, — проговорил упорный полицейский. — И как ваша фамилия, женщина?

— Фамилия моя Петухова Мария Петровна, а только вы зря тут время теряете. Я вам точно говорю — вам в двадцать вторую нужно!

— Наверное, номер перепутали, — подал голос второй. — Пошли наверх, Серега, а то как бы поздно не было...

Крик наверху перешел в тонкий визг, а музыка как раз стихла.

Шаги за дверью удалились.

Я с трудом перевела дыхание, очень осторожно положила ногу покойника обратно и сползла по стене на пол — собственные ноги меня не держали.

Но тут же я осознала, что нельзя терять время, нужно скорее уходить отсюда, из этой злополучной квартиры...

Но как уйти? Еще столкнешься с полицейскими...

Наверху в это время женский проникновенный голос пел о том, как он (в смысле она) одолжила

своего любовника близкой подруге непонятно за- чем. Очевидно, обитатели верхней квартиры заслу- шались и не спешили открывать полиции, хоть те и стучали в дверь.

С большим трудом, поскольку ноги отказыва- лись служить, я встала и выглянула в дверной глазок.

Лестничная площадка была искривлена и вы- тянута, как в кривом зеркале, но даже так было видно, что одна из соседних дверей приоткрыта и из-за нее выглядывает тетка в ярко-розовом халате.

Ну да, это та соседка, которая разговаривала с полицейскими. Теперь она следит за развитием событий, и мимо нее не проскользнешь... граница на замке!

Тетка глазастая, меня запомнит обязательно.

Значит, нужно переждать какое-то время, пока все не успокоится. Не будет же эта Петухова весь вечер торчать возле двери... есть же у нее какие-то дела! Хотя, может, у нее такое вечернее развлече- ние — вместо телевизора за соседями подсматри- вать. Больше-то никаких радостей, судя по всему, тетка одинокая, даже собачки нет. Это и к лучше- му, собака бы меня обязательно учуяла. Я снова опустилась на пол и отползла от двери как можно дальше. Очень далеко не получилось — труп мешал.

Да, вот как все получилось. Еще утром я была нормальным человеком, была у меня работа, Иго- реща и какое-то жильё, а теперь я сижу в этом сарае на грязном полу рядом с трупом и жду, что меня заберут в полицию. А все из-за подлеца Игорещи. Вот с чего ему вздумалось скандалить?

То есть в последнее время он вообще здорово распустился. Домой приходил поздно, по хозяйству

совершенно перестал помогать, ну, этого и раньше от него добиться было невозможно. Ну что неряха он жуткий — так это я и раньше видела, когда решили мы жить вместе, я знала, на что шла. Но тут уж беспорядок и грязь, создаваемые им, стали меня серьезно напрягать. К тому же хамство моего гражданского мужа переходило иногда все мыслимые пределы. А я, хоть и серьезно относилась к нашим отношениям, все же такое хамство терпеть была не намерена. Пару раз мы здорово поругались. После чего я стала задумываться о будущем.

Дело в том, что у Игореша масса недостатков, но одно неоспоримое достоинство: у него есть своя собственная квартира. Не бог весть что, но он единственный владелец. Чего не скажешь обо мне.

Вот интересно, я родилась в Петербурге, всю жизнь тут прожила, а сейчас натуральный бомж. То есть по документам-то все нормально, но вот жить уже года три совершенно негде. Поэтому, когда мы стали встречаться с Игорешей, я многое ему прощала. А потом все устаканилось, он вообще-то был парень невредный и ко мне относился неплохо. Но вот последние несколько месяцев парня просто как подменили. Он скандалил по поводу и без повода, ругал приготовленную мной еду, нарочно плевался пастой на зеркало в ванной и пачкал кухонные полотенца томатным соусом. И вот, когда он обнаглел настолько, что плюнул в тарелку с чуть-чуть подгоревшей запеканкой, а потом бросил эту тарелку на пол, после чего обругал меня матом, я решила.

День был выходной, Игореша ушел из дома, хотя до этого мы собирались пойти куда-то вме-

сте, уже не помню, в кино или по магазинам, я же выбросила остатки запеканки вместе с осколками тарелки в мусор, отправила туда же сковородку, чтобы не мыть, и собрала свои вещи. А до этого позвонила Инке, изложила ситуацию и попросилась к ней ночевать. Перекантуюсь пару ночей, а потом сниму какую-нибудь квартиру. Чем так-то жить.

Пришлось ждать Игорешу, чтобы оставить ему ключи, потому что этот урод свои забыл дома, он вечно их забывает, пару раз я даже привозила их ему на работу.

И вы можете мне не поверить, но вечером Игореша пришел с цветами. Он был очень убедителен, просил у меня прощения за все свои гадости, сказал, что у него большие неприятности на работе, оттого он такой нервный. Увидел чемоданы и еще больше расстроился, сказал, что никуда меня не отпустит.

В общем, мы помирились. О чем я сейчас и жалею. Нужно было уйти сразу, а ключи отдать соседке или вообще выбросить, тогда сейчас не сидела бы я на грязном холодном полу рядом с покойником... ну да, про это я уже говорила.

С лестницы донеслись шаги и голоса. Один голос — хриплый, нетрезвый — был громче остальных, через слово он перемежался замысловатым матом. Другие голоса — раздраженные, усталые — принадлежали полицейским. Видно, они нашли таки дебошира, как там сказала соседка... Синетутова Кольку, и теперь тащили его в свою машину. Послышался звук удара, пьяный голос обиженно взмыл на октаву выше и замолк, захлебнулся. Вни-

зу хлопнула дверь подъезда, и наступила тишина, потому что песня про отданного займа любовника прекратилась еще раньше.

Я очнулась от несвоевременных и безрадостных воспоминаний и увидела, что дверь соседки закрыта, очевидно, она не ждала больше ничего интересного.

Скорее уходить отсюда. Уходить, пока все затихло. Уходить, пока не появился еще кто-нибудь.

Я прокралась к двери, бросила испуганный взгляд на тело неизвестного...

И увидела на полу рядом с ним бумажник. Обычный мужской бумажник из потертой коричневой кожи. Видимо, он выпал из кармана, когда я передвигала труп.

И тут я вспомнила, что у меня нет денег. Ни копейки наличных, и карточки заблокированы... Нет, все-таки какой Игореша подлец!

Бумажник на полу буквально притягивал мой взгляд.

Взять деньги у мертвеца... совсем немного, только чтобы перекантоваться первое время... они ему все равно уже не нужны, а меня могут спасти...

Но это ужасно, это мародерство...

А что мне остается делать? Куда деваться без копейки? Я возьму совсем немного и потом все верну...

Кому и как я верну деньги — я не задумывалась, точнее, старалась не думать, отгораживалась от этой мысли.

Я решила. Опустилась на колени, двумя пальцами взяла бумажник, как мертвую лягушку, открыла его.

Обычный мужской бумажник, с обычным содержанием.

Две банковские карточки — от них никакого проку без секретных кодов, немного наличности, водительские права...

Я взглянула на эти права.

Покойника звали Павел Алексеевич Мамонов.

Вот и познакомились. И что с того? Как говорится, ни уму ни сердцу.

И тут из бумажника выпала мне в руку фотография. Небольшая любительская фотография. На ней были двое — мужчина и женщина. Эти двое сидели рядом, полуобнявшись и улыбаясь друг другу. В мужчине на снимке я узнала Павла Мамонова, того самого человека, чей труп лежал рядом со мной на сером замызганном линолеуме. Узнала скорее по фотографии на правах, чем по собственному его лицу, потому что лицо было почти до неузнаваемости изменено смертью.

А женщина...

Дыхание у меня перехватило.

Женщина на фотографии... это была я.

Не может быть!

От страха и удивления я выронила фотографию, но тут же подняла ее, взглянула еще раз... Закрыла глаза, плотно сжав веки, помотала головой, потом снова взглянула на фотографию.

Никаких сомнений.

Это я с улыбкой смотрела на Мамонова, а его рука лежала на моем плече...

Но этого не может быть! Не может, не может, не может! Я никогда, никогда не встречала этого

человека, никогда прежде не видела его, никогда не слышала его имени...

Я еще раз внимательно взгляделась в фотографию.

Никаких сомнений — это была я.

Мало того что я узнала свое лицо, лицо, которое каждый день, и не по одному разу, видела в зеркале, но я узнала прическу и даже свитер. Этот свитер я купила примерно год назад. Голубой с жемчужно-серым отливом цвет шел к моим глазам. Я вообще-то блондинка, но сейчас ношу другой цвет, средне-русый.

Но как такое возможно?

И тут до меня дошла еще одна ужасная вещь.

Найдя эту фотографию рядом с трупом, полицейские убедились бы, что я знакома с покойным. С убитым. И если бы они застали меня в этой квартире — без сомнения, я стала бы первой в их списке подозреваемых. А скорее всего, первой и единственной. Ну что тут думать-то, ясное дело: пришли в квартиру двое любовников, повздорили, поругались, в процессе я его и угробила. Может, приревновала, может, так просто, никто разбираться не станет.

Я с ужасом смотрела то на труп, то на фотографию. Откуда она могла появиться в бумажнике у этого типа? Я готова поклясться чем угодно, что никогда в жизни его не видела! И имени его не слышала никогда! Но кто мне поверит, если вот она, карточка, а на ней мы вдвоем...

Я посидела немного рядом, схватив себя за волосы и раскачиваясь, пока до меня не дошло, что я бездарно трачу драгоценное время, что мне нужно

как можно скорее уходить отсюда, да что — уходить, нужно бежать, бежать...

Я сунула фотографию в сумку, чтобы потом уничтожить ее, поднялась, шагнула к двери...

И спохватилась, что оставила кучу своих следов в этой квартире. Нет, так дело не пойдет, кругом тут мои отпечатки. Я девушка грамотная, детективы читаю и смотрю, поэтому я встала посреди прихожей и задумалась. Так, я была в комнате, потом в ванной, на кухню только заглянула. Значит: обтереть все ручки, подлокотники дивана, спинку стула, кран в ванной. И еще: я валялась в прихожей на полу возле трупа. Да, еще задвижка стенного шкафа.

Я уже говорила, что, прежде чем приступить к какому-нибудь делу, я всегда составляю четкий, подробный план. Это помогает. По крайней мере, иногда.

Сейчас я достала из сумки пачку влажных салфеток и тщательно протерла все ручки и пол в том месте, где опиралась на него руками. Надо думать, когда найдут труп, эксперты не станут собирать каждую шерстинку и отдавать каждую волосинку на анализ ДНК.

Будем смотреть на вещи реально, у них ни денег на это нет, ни времени, ни особого желания.

В комнате был еще допотопный не то сервант, не то буфет. Я надела перчатки и открыла ящики. Не то чтобы мне очень хотелось это делать, но теперь, после того, как нашла у незнакомого покойника свою фотографию, я решила не пускать все на самотек.

Ящики были пустые и пыльные, пахли соответственно, сразу зачесалось в носу. И в самом

нижнем я нашла подсвечник. Старый бронзовый подсвечник для двух свечей. Я осторожно взяла его в руки, опять-таки в перчатках.

Меня насторожил тот факт, что в ящике было полно пыли, а на подсвечнике ее не было. Стало быть, им недавно пользовались. Несколько лапок, которые поддерживали свечу, были погнуты, а под ними... ну, так и есть, я увидела несколько засохших красных пятнышек. Ну, теперь ясно, как использовали подсвечник, именно им шваркнули по голове того типа, что лежит в прихожей.

Надо сказать, после того, как я нашла в его бумажнике свою фотографию, я его просто возненавидела. Какое право он имел вмешивать меня в свои криминальные дела!

Возможно, я к нему несправедлива, но в таких делах каждый за себя. Я его не убивала и расплачиваться за это не собираюсь.

Подсвечник я тщательно вымыла горячей водой. И даже обмылок какой-то нашелся в раковине. Не спрашивайте, зачем я это сделала, просто по наитию. Я подумала, что тот, кто убил этого Мамонова, наверняка не дурак, а только дураки оставляют орудие убийства в квартире. Значит, его оставили нарочно. Ну, я его вымою, так, на всякий случай, чтобы не было ничьих отпечатков.

Ну все, вот теперь точно пора уходить.

На прощание я осмотрела свою одежду на предмет посторонних пятен. Была кое-какая грязь, но ничего криминального. Вообще удивительно мало было крови, хотя теперь я разглядела рану на затылке трупа. Возможно, вся кровь осталась в стенном шкафу.

Проверять я не стала, осторожно открыла дверь и вышла, просто захлопнув замок. И пошла, ступая как можно тише, никого не встретив на лестнице.

Прошагав несколько кварталов, чтобы как можно дальше уйти от проклятого дома, я замедлила шаг и посмотрела на часы. Ого, первый час ночи. Надо же, как время-то быстро прошло...

Вроде бы Игореша явился домой в половине восьмого, я еще удивилась, что так рано, пока мы ругались, пока я в себя приходила, когда он меня выгнал, пока я Инке звонила, пока до дома ее тетки добиралась, да там еще сколько всего произошло...

Так или иначе, болтаться ночью одной в этом криминальном районе весьма опасно. Но что делать? На вокзал, что ли, ехать? Так заметут еще как бомжиху в отделение.

Вдруг взгляд мой зацепился за слово «Отель». Вот именно, в проходе между домами виднелся угол еще одного дома, и на нем мерцала неярким светом вывеска «Отель». Просто отель, без названия, причем располагался он на первом этаже обычного жилого дома.

Я оглянулась по сторонам. Изредка проезжали машины, прохожих не было никого, только далеко сзади брели двое пьяных мужичков. Это решило дело, я свернула в проход между домами и через минуту уже звонила в довольно-таки обшарпанную железную дверь, на которой не было ни окошка, ни какой-либо надписи.

На звонок никто не ответил, тогда я стукнула в дверь кулаком, потому что двое пьяниц свернули как раз в этот проход и неуклонно приближались.

Уж не настолько они пьяные, чтобы просто так пройти мимо одинокой женщины ночью... Страх придал мне силы, и я бухнула в дверь ногой. Дверь открылась, и я проскользнула внутрь, как раз когда один из пьяниц изумленно-радостно ахнул:

— Гляди, Вить, баба!

Я оказалась в небольшом холле, точнее, холлом это место никак нельзя было назвать, скорее обычная прихожая. Никаких стульев или вешалки, только напротив двери старый письменный стол, за которым сидел здоровенный немолодой мужик в шерстяной клетчатой рубаше навывпуск и вытянутых трикотажных штанах.

Мужик был небритый, пегие от седины волосы давно надо было бы подстричь. Мужик смотрел на меня маленькими злыми глазками из-под нависших бровей и молчал.

Очень он мне не понравился, однако перспектива неминуемого общения с двумя пьяницами нравилась мне еще меньше, так что я собрала волю в кулак и подошла ближе. За спиной у мужика на стене была прикреплена фанерная доска, на которой висели ключи под номерами. Стало быть, все-таки отель.

— Здравствуйте! — Я постаралась, чтобы голос не звучал жалко и беспомощно.

— И чего тебе? — буркнул мужик.

— Комнату на ночь.

— Нету, — лаконично ответил он.

— Как это нету? У вас ведь отель, так, во всяком случае, вывеска говорит. — Я мотнула головой в сторону улицы, откуда как раз доносилось немзыкальное пение двух пьянчужек. Судя по все-

му, они расположились на ступеньках в ожидании меня.

— Свободных номеров нету! — прохрипел мужик.

— Ага, назад-то глянь! — Я решила не церемониться с этим типом. В самом деле, на доске полно было ключей, видно, отель не пользовался большим спросом.

— Слушайте, — я решила сменить тактику, — мне по барабану, что тут у вас за дела...

— Обычные, — усмехнулся мужик, — ничего такого особенного.

— Мне по фигу, — повторила я, — я переночую и уйду утром. Ну, некуда мне деваться среди ночи, а деньги есть! — Я показала ему краешек тысячной купюры.

Тут открылась дверь и в прихожую вкатилась парочка. Разбитная такая девица в синей кожаной курточке буквально несла на себе мужчину. Мужчина висел на ней, вяло перебирая ногами, и сопел. Судя по всему, он был мертвецки пьян.

— Привет, дядь Миша! — пропыхтела девица, едва не свалив своего кавалера на пол. — Мне шестой номер дай!

— Угу, там кровать пошире! — ухмыльнулся тип за столом, которого никак не хотелось называть французским словом «портье».

Девица скривила накрашенный малиновой помадой и без того большой, как у лягушки, рот, хотела взять ключ, но промахнулась, потому что ее спутник угрожающе закачался и собрался уже с грохотом приземлиться, однако схватился за письменный стол, отчего тот угрожающе зашатал-

ся. Ключ упал на пол, девица чертыхнулась, тогда я нагнулась и подняла ключ.

Девица взяла ключ, растянув губы в улыбке, от этого рот стал казаться еще больше. Да, улыбаться ей точно нельзя, очень на лягушку похожа. И глаза чуть выпучены.

— Гляди, Алиска, — сказал портье, — чтобы все путем было, мне неприятности не нужны.

— Не бойсь, дядь Миша, — бросила она, разворачивая своего спутника по дуге, — прорвемся!

Ноги у мужчины подгибались, так что она тащила его почти волоком. Надо же так напиться, а с виду небедный человек, стрижка сделана явно в приличном салоне, и пальто дорогущее, серое в елочку. Что он в этой Алиске нашел, ему по статусу такая шалава не положена. То есть так-то она, может, и ничего, но мужчина-то уж больно одет хорошо.

Впрочем, черт их разберет, мужиков этих, что им нужно... Нажрался в хлам и себя не помнит, эх, недосчитается утром денежек в карманах, это точно.

Очевидно, портье посетили те же мысли, поэтому он решил отыгаться на мне.

— Иди отсюда! — сказал он.

— Не пойду! — Я слышала, что за дверью гомонят те двое пьяниц. — Если выгонишь — орать начну, уроды эти не отвяжутся, жильцы с верхнего этажа проснутся, кто-то полицию вызовет, тебе это надо? Небось и так уже жалобы были.

Я попала по больному месту, портье нахмурился, затем вышел за дверь и рывкнул на двух пьяниц, чтобы срочно валили по точно обозначенному

адресу. Его слова подействовали, неизвестно, попали ли они по тому адресу, куда их посылали, но оба бодро потрусили прочь, причем в разные стороны.

— Ладно, — сказал портье, вернувшись и подавая мне ключ, — иди уж. Только до утра. И чтобы все тихо было.

Комната была без номера, но находилась рядом с дверью под номером шесть. Уж не знаю, какой ширины кровать в шестом, но у меня была просто узкая больничная койка, доисторическая прикроватная тумбочка, выдавший виды стол, весь в разводах от пива и других спиртных напитков, а также стул с продранной обивкой. И за такое этот дядя Миша взял с меня тысячу рублей!

Тут я вспомнила, что деньги не мои, и решила не расстраиваться попусту.

Белье на кровати было серое, застиранное, но, кажется, чистое. Я быстро разделась и легла, приставив на всякий случай к двери стул. Из соседнего номера слышалась какая-то возня, потом все стихло. А я все ворочалась и никак могла понять, как я дошла до такой жизни. Хотя, казалось бы, с сегодняшнего вечера столько всего случилось, что пора бы уж и привыкнуть.

Однако с чего все началось? То есть началось-то уже давно, я говорила, что в последние недели Игореша стал просто невозможен. Потом, правда, стал получше, когда я пригрозила уйти (и зря этого не сделала), но вчера вечером...

Он явился в половине восьмого, я не ждала его так рано и не успела приготовить ужин. Пришлось в спешке варить пельмени, ну, в конце концов, я тоже работаю, так что может изредка и пельменей

поест. Но до ужина дело не дошло, потому что прямо с порога Игореша начал хулиганить.

Для начала он споткнулся о галошницу и уронил ее на пол. Когда я прибежала из кухни на шум, он метнул в меня мой собственный сапог и обругал матом.

— Ты пьян, что ли? — поморщилась я.

И правда, от него здорово пахло спиртным. Ну, обреченно подумала я, опять начинается. Но на этот раз я не поддамся на уговоры, нужно от этого хама уходить. Окончательно и бесповоротно.

Я вернулась на кухню и выключила пельмени, хотя они еще и не закипели, после чего сняла фартук и направилась в комнату, чтобы собрать вещи.

Не тут-то было, этот урод, которого я считала почти мужем, поскольку мы прожили с ним больше двух лет, а это о чем-то говорит... так вот, Игореша рванул за мной и стал орать, обзывая такими словами, из которых самым приличным было «шлюха». Ну уж это он зря, я точно не такая. И он это прекрасно знал, за все время знакомства я ни разу не давала ему никакого повода.

Не то чтобы я так уж была страстно влюблена в Игорешу, что не смотрела на других мужчин, просто меня так воспитали. Если живешь с одним, то не крути с другим, а если уж кто-то так сильно понравился, то сначала уйди от этого, первого, а потом уж... Тем более что мы с Игорешей вовсе не женаты и детей заводить не собирались.

Короче, я разозлилась и обозвала Игорешу козлом и придурком, поскольку он несет чушь. Когда это я ему изменяла, интересно знать. И этот... не

подобрать для него приличного слова... еще смеет такое говорить!

И что вы думаете? Он тут же на голубом глазу обвинил меня в связи с моим начальником Мирославом.

В первый момент я просто разинула рот. Мирослав — парень хороший, фирмочка у нас маленькая, все на виду, и наши тетki сразу бы что-то заметили, если бы он крутил с сотрудницами. Но даже они никогда не смотрели на меня косо. Потому что не за что. Мирослав относится ко мне неплохо, как и ко всем, держится ровно, как и со всеми, и мне никогда не приходило в голову, чтобы мы с ним...

Потому что если живешь с одним, то... ага, про это я уже говорила. В общем, Мирослав — хороший человек и приличный начальник, иногда мне даже кажется, что мы с ним друзья. Во всяком случае, когда мы едем куда-то вместе (по работе, разумеется), то разговариваем на отвлеченные темы, и мне это нравится. Надеюсь, что ему со мной тоже интересно.

И вот Игореша вдруг ни с того ни с сего устроил такую безобразную сцену! Он орал, что я сплю с начальником, перечислял, куда мы с ним ездили на выходные и в отпуск, и утверждал, что мы совершенно обнагтели и закрываемся в его кабинете в обеденный перерыв. Вот уж это чистое вранье, тем более у нас в фирме нет никакого обеденного перерыва, сотрудники бегают в кафе на углу по очереди, так что в офисе всегда кто-нибудь есть. Нет, подумала я, у Игореша точно крыша едет. Так, это без меня, кончилось мое терпение.

Итак, я хотела быстренько собрать вещи и молча удалиться, потому что если уж точно у нас с ним все, то для чего тогда ругаться, только силы зря тратить.

Но не получилось у меня просто так уйти. Этот... ну вы понимаете кто, вырвал у меня из рук платье, бросил его на пол и растоптал ногами. Совершенно новое платье, в прошлом месяце только купила! И кто бы на моем месте не озверел?

В общем, дальше даже вспоминать противно, кажется, мы разодрались. Ну куда мне было справиться со здоровым мужиком? Забыла сказать, Игореша ростом метр восемьдесят, а весит девяносто кило. Или даже больше. Так что драться с ним — себе дороже обойдется.

Я всегда трезво оцениваю свои возможности, поэтому отступила, чтобы он не вздумал портить остальную одежду. У меня ее не так много. А он вытряхнул все то, что я успела положить в чемодан, оторвал у него замки...

В общем, я успела проскочить в прихожую и спасти пальто и сапоги. Хорошо, что в сумке был паспорт и пропуск на работу, а также кошелек и кое-какая косметика.

Игореша выскочил за мной и орал, чтобы я выметалась немедленно из его дома, что он видеть меня не желает, и отобрал ключи, которые я неосмотрительно оставила на полочке в прихожей.

В общем, я подхватила сумку и дала деру, потому что оставаться с ним в одной квартире было чревато, похоже, мой гражданский муж и правда сошел с ума.

Выйдя из дома, я сунулась в кошелек и обнаружила, что в нем совершенно нет наличности, ста рублей не наберется. И у ближайшего банкомата я поняла, что эта сволочь Игореша заблокировал мои карточки. Карточки были мои, я сама вносила на них деньги, так что он сделал это чисто из вредности. Господи, мы жили вместе почти два года, и я не поняла, какая же он скотина!

Потом я позвонила Инке, она, как всегда, выручила меня и передала ключи от квартиры своей не то тетки, не то троюродной сестры, когда ехала в аэропорт. Ну а потом... про это вы уже знаете.

Я тяжело вздохнула и повернулась на неудобной кровати. Теперь, когда кошмар с трупом в шкафу остался позади и мне удалось уйти из той квартирки без потерь, не считая истрепанных нервов, я обрела способность логически рассуждать. И, вспоминая, с чего все началось, глубоко задумалась.

Вот с чего это Игорешу так разобрало? Ведь должна же быть какая-то причина для такого его поведения.

Ну не мог никто с моей работы так художественно ему все наврать! А сам он вряд ли такое придумал бы, Игореша — человек без воображения, уж это я точно знаю, за два года его изучила.

Привиделось спьяну? Но опять-таки, я хорошо его изучила и не раз видела выпившим. И точно знаю, что, когда Игореша сильно переберет, он становится тихим и сонным, ему все до лампочки, лишь бы улечься где-нибудь в уголке и поспать. А тут такое учинил, стало быть, не сильно был пьян.

И вот теперь я вспоминаю, что Игореша себя все время накручивал, подгонял, чтобы скандал

получился громкий. Для чего? Я ему надоела и он хотел выгнать меня из дома? Так сказал бы прямо, я и пошла бы себе. Квартира — его, мы не женаты, детей, слава богу, нет, так какие проблемы? Не стала бы я за него цепляться, еще не хватало! Честно говоря, небольшая радость мой Игореша. Теперь уж точно не мой, что-что, а это я твердо знаю. Сто лет бы его не видеть, но как бы выцарапать свои вещи... Хотя не удивлюсь, если этот урод все изрезал и изорвал. Нет, по нему точно психушка плачет!

На этой мысли я неожиданно заснула, просто отключилась, и все, как в омут провалилась.

Сто семьдесят пять, сто семьдесят шесть, сто семьдесят семь, сто семьдесят восемь... еще чтыреста тридцать шагов — и она дойдет до школы...

Греша старалась не смотреть налево, туда, где был дом старой Нелле. Можно смотреть на нарядный дом булочника Ван Даллена, в окнах которого выставлены румяные кренделі и забавные пряничные человечки, можно смотреть на скучную аптеку господина Мюллера, но мимо дома старухи Нелле она старалась пройти как можно быстрее, опустив глаза в землю.

Сто семьдесят девять, сто восемьдесят, сто восемьдесят один, сто восемьдесят два...

Папочка сказал, что она достаточно взрослая, что она может одна ходить в школу. Греша хочет доказать папочке, что он прав, что она взрослая, но этот дом, мимо которого ей приходится проходить, внушает ей безотчетный страх. Да, собственно, не сам дом, а окно, закрытое тюлевой занавеской.

Потому что эта занавеска едва заметно шевелится, когда Греша проходит мимо, и девочке мерещится за этой занавеской лицо страшной старухи...

Дети в их городке рассказывают друг другу страшные истории про этот дом и его обительницу. Понизив голос почти до шепота, они говорят о маленьком Виллеме ван Мильхе, который из любопытства зашел в этот дом, и больше никто никогда его не видел. И о дочке мукомола Аньет Герст, которая только заговорила со старой Нелле и тут же лишилась дара речи. С тех пор Аньет только мычит и объясняется жестами, которые почти никто не понимает...

Сто восемьдесят три, сто восемьдесят четыре, сто восемьдесят пять...

Краем глаза Греша заметила слева какое-то движение и не выдержала, взглянула туда.

Занавеска на окне шевельнулась и приподнялась. За этой занавеской Греша увидела чудесную золотую карусель.

По кругу бежали красивые маленькие лошадки и собаки, крошечные человечки и олени с развесистыми рогами, зайцы и незнакомые девочке удивительные существа.

Карусель звала, манила Грешу.

А там, позади карусели, она заметила темный выпуклый глаз и прячущееся в тени лицо...

Девочка собрала все свои силы, отвернулась от окна и сделала еще один шаг.

Сто восемьдесят шесть...

Но это оказалось сильнее ее.

Она снова взглянула на окно, и золотое сияние наполнило ее душу.